

**МБОУ средняя общеобразовательная школа №5 города Искитима
Новосибирской области**

**Профсоюзный проект
«Память во имя жизни»,
посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне
1941 – 1945 годов**

**Номинация
«Как это было»**

«Как это было...»

Автор: Юрганова Валентина Петровна,
ветеран педагогического труда,
репрессированная, «малолетний узник
фашистского концлагеря»

Искитим

2015

Я учительница. Пятьдесят три года учила детей русскому языку и литературе. Однажды, готовясь к уроку, я писала карточку для нового словарного слова – поражение. Прочитала в словаре Ожегова его толкование, а в конце словарной статьи мелким шрифтом, стыдливо так, была сделана приписка: «Поражение в правах – лишение политических и гражданских прав на определенный срок как мера судебного наказания за тяжелые преступления».

После нескольких минут шока, я задумалась. Какое же «тяжелое преступление» совершила я к моим неполным восьми годам? Именно тогда ко мне перешла мамина 58-я статья, пункт 1 «а» - «измена Родине». Когда я изменила ей? Тогда, в 1941, когда Родина не смогла меня ни защитить, ни эвакуировать, и я попала в оккупацию, а, затем, в 1943 году вместе с мамой – в концлагерь? Или в 1945, когда добросовестно вернулась из Германии на Родину?

Родина нас не ждала. Квартира наша уже была занята, другого жилья нам не дали. Мы долго скитались по квартирам знакомых или снимали жилье, поэтому в сентябре в школу я не попала. Пошла в школу лишь в январе 1946 года, после зимних каникул... Но проучилась недолго.

6 февраля 1946 года, утром, к нам пришли трое в черном, в сопровождении нашей хозяйки. Они произвели обыск, сбросали в одну кучу грязное белье и даже совсем новые вещи. Самое страшное, что в эту же кучу, они высыпали половину пакетика перловой крупы – единственное в доме, что можно было есть. Составили протокол обыска и список вещей и увели маму с собой.

Меня из дома хозяйка выставила на улицу еще в их присутствии, заявив, что в дом меня до возвращения мамы не пустит, чтобы я не сожгла его, когда буду топить печь.

Я не плакала, когда повели маму к воротам, ее и в лагере утром уводили на работу, а вечером приводили обратно. Я не поняла, что случилось. А мама поняла, что может и не вернуться, у нее в 1937 году расстреляли брата. С мамой случилась истерика. Она просила, чтобы меня отвезли к ее подруге,

и назвала ее адрес. Они пообещали маме это сделать, а мне сказали, что мама вернется через два-три дня.

Я осталась одна во дворе, на снегу, без шапки в расстегнутом пальто и в не зашнурованных ботинках. Сама завязывать шнурки я еще не умела, а маму во дворе ко мне уже не допустили.

До позднего вечера, почти не двигаясь, я стояла во дворе, ждала, когда за мной вернутся. Не дождалась.

Потом два дня я прожила у знакомых в соседнем дворе.

На рынке, куда я пришла поменять вещи на хлеб и патоку, познакомилась с группой подростков и осталась с ними. Пробыла с ними четыре месяца. Ночевали, где придется. Еду добывали воровством. Украсть что-то удавалось не каждый день, не каждый день и ели.

Несколько раз нас вылавливала милиция, но долго не держали и мы снова оказывались на улице. После одного из задержаний меня отдали в семью на удочерение. Через несколько дней мои новые родители стали меня спрашивать, останусь ли я у них или уйду к маме, если она вернется. Я говорила, что уйду к маме. Однажды вечером я услышала их разговор о том, что они решили вернуть меня в милицию. Мои друзья приходили меня проводить, и в очередной их приход я снова ушла с ними.

В конце мая мы снова попали в милицию. На этот раз нас поместили в детприёмник. Оформили все по полной программе. Даже пальчики откатали. Меня поместили отдельно от друзей. Они были все вместе, а я – одна. Не знаю, сколько дней мы там находились, но я все время плакала.

Из приемника меня отправили в детдом, а друзей, наверное, в колонию, потому что, когда их уводили, они мне наказали не убегать из детдома и пообещали, что через три года они меня заберут.

Мама все это время пыталась хоть что-то узнать обо мне. В тюрьме, в Запорожье, она даже объявляла голодовку. Тогда ей сказали, что я в детдоме, в Киеве. Соврали. Во-первых, в то время я еще беспризорничала; во-вторых, в детдоме я была далеко от Киева.

В сентябре 1946 года маму в ссылку привезли на станцию Посевная Черепановского района Новосибирской области. Она снова стала меня искать. Писала письма в Запорожье, в НКВД, своей подруге. Не ответил никто. Тогда мама написала незнакомой женщине, соседке своей подруги. Когда та пришла к маминой подруге, она сказала, что ничего обо мне не знает. Но женщина заметила, что при ее появлении они спрятала под подушку какой-то бумажный треугольник. Она буквально вырвала у них этот листок. Это оказалось мое письмо маминой подруге с моим адресом. Женщина переслала его маме в Сибирь.

Разрешение на поездку в Запорожье за мной мама получила летом 1947 года. А четвертого августа привезла меня в Сибирь, и все ее статьи перешли ко мне.

Я свое «поражение в правах» получила на полную катушку: мне не платили пенсию за отца, я никогда не ходила с детьми за ягодами и грибами – вдруг зайду дальше двух километров. В шестом классе, в юннатском кружке, я проводила опыт по выращиванию картофеля, получила премию – поездку на ВДНХ в Москву, но поехала другая девочка. В 1952 году я окончила седьмой класс и попыталась поступить в Новосибирский радиотехнический техникум. Но меня выловили на вокзале в Черепаново, где мы уже тогда жили. Снова люди в черном объяснили, что для меня выезд запрещен.

В педагогическое училище города Черепаново в тот год получился недобор студентов, и я, в дополнительной группе, за три дня сдала пять экзаменов, получив четыре «пятерки» и одну «четверку».

Директор педучилища сам принимал последний экзамен, он приобнял меня и сказал: «Молодец, из тебя получится хороший учитель».

А через четыре дня, первого сентября, на перемене, зашел в класс, спросил, у кого родители спецпереселенцы, и велел зайти к нему в кабинет. Я зашла. Он объяснил мне, что они случайно набрали студентов больше, чем нужно, поэтому меня отчислили. Отчислили меня, а не ту студентку, которая получила за диктант «единицу».

После обращения с письмом в Президиум Верховного Совета СССР, в педучилище меня восстановили.

Окончила педучилище в 1956 году, но в институт документы подавать не стала, до этого у многих высланных их не принимали.

Я могла бы бесконечно продолжать перечисление того, как «аукнулась» 58-я статья в моей жизни. У меня до сих пор нет ощущения, что это уже закончилось, хотя нас реабилитировали в 1991 году.

Юрганова Валентина Петровна на встрече с учениками школы №5 города Искитима





Юрганова В.П.